

СЪЮЗЕН КОЛЛИНЗ

**СОЙКА-
ПЕРЕСМЕШНИЦА**

Издательство АСТ
Москва

Кэну, Чарли и Изабель

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К60

Серия «Голодные игры»

Suzanne Collins

MOCKINGJAY

Перевод с английского *А. Шипулина, М. Головкина*

Серийное оформление
и компьютерный дизайн *В. Воронина*

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная фотоагентством «Vostock Photo».

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Intercontinental Literary Agency Limited of Centric House
и Andrew Nurnberg.

Коллинз, Сьюзен.

К60 Сойка-пересмешница : [роман] / Сьюзен Коллинз ; [пер. с англ. А. Г. Шипулина, М. Головкина]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Голодные игры).

ISBN 978-5-17-982506-7

Китнисс выжила, хотя дом ее разрушен. Ее семья — в относительной безопасности, но Пит похищен властью имущими, и судьба его неизвестна. И тогда легенда становится реальностью. Таинственный Тринадцатый дистрикт, некогда инициировавший восстание против Капитолия, выходит из тени, где пребывал долгие годы. Начинается война, в которой Китнисс — символ Сопротивления. И если она не хочет оказаться пешкой в чужой большой игре, где жизнь ее любимого принесли в жертву чужим интересам, ей придется стать сильнее, чем на арене Голодных игр...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Suzanne Collins, 2010
Школа перевода В. Баканова, 2012
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-982506-7

Часть I

ПЕПЕЛ

1

Я опускаю глаза и вижу, как на мои изношенные туфли тонким слоем ложится пепел. Вот тут стояла кровать, которую делили мы с Прим. Там, напротив, — кухонный стол. Ориентиром мне служит груда черных от сажи кирпичей, в которую превратилась печка. Как бы иначе я разобралась в этом море серости?

От Двенадцатого дистрикта не осталось почти ничего. Месяц назад капитолийские зажигательные бомбы спалили дотла бедные домишки шахтеров в Шлаке, лавки и магазины в центре и даже Дом правосудия. Огня избежала только Деревня победителей. Не знаю почему. Возможно, чтобы тем, кто приедет сюда по делам из Капитолия, было, где остановиться. Репортерам, комиссии по оценке угольных шахт, бригаде миротворцев в поисках возвращающихся беженцев.

Пока приехала лишь я. Ненадолго. Власти Тринадцатого дистрикта не одобряли мою поездку — мол, дорогостоящая и бессмысленная авантюра.

Ради моей защиты им пришлось поднять по меньшей мере двенадцать планолетов, которые незримо кружат где-то вверху. Никаких полезных сведений поездка не даст. Но я должна была уви-

6 деть все сама. Даже поставила это условием нашего сотрудничества.

В конце концов Плутарх Хевенсби, главный распорядитель Голодных игр и предводитель мятежников в Капитолии, сдался:

— Пусть едет. Лучше потерять день, чем еще месяц. Возможно, так она скорее убедится, что мы на одной стороне.

На одной стороне... Левый висок пронзает боль, я прижимаю к нему ладонь. Сюда ударила меня катушкой проволоки Джоанна Мэйсон. Воспоминания вихрем проносятся в голове, пока я пытаюсь сообразить, где истина, а где ложь. Какая череда событий привела к тому, что я стою теперь посреди развалин своего города? Мысли путаются — называется сотрясение мозга после того удара. Из-за лекарств, которыми меня пичкают от физической и душевной боли, я порою вижу то, чего нет. Хотя точно не знаю. Я до сих пор не вполне уверена, что, когда однажды пол моей больничной палаты превратился в ковер из кишасших змей, это и впрямь было галлюцинацией.

Я использую способ, подсказанный одним из врачей: начинаю с простейшего — того, что знаю наверняка, — затем перехожу к более сложному.

Меня зовут Китнисс Эвердин. Мне семнадцать лет. Моя родина — Двенадцатый дистрикт. Я участвовала в Голодных играх. Сбежала. Капитолий меня ненавидит. Пита схватили. Его считают погибшим. Скорее всего, он убит. Возможно, лучше, если убит...

— Китнисс? Мне спуститься? — слышится в наушниках, которые мне навязали повстанцы. Мой друг Гейл вверху, на планолете. Внимательно

наблюдает за мной и в случае чего мигом спустится. 7

Я осознаю, что сижу на корточках, обхватив голову руками. Должно быть, со стороны кажется, будто я на грани нервного срыва. Так дело не пойдет. Меня только-только понемногу начали отучать от лекарств.

Выпрямляюсь.

— Нет, все в порядке.

В подтверждение отхожу от моего прежнего дома и бреду в центр. Гейл хотел высадиться вместе со мной, но не настаивал, когда я отказалась. Понимает: любая компания мне сегодня в тягость. Даже его. Есть дороги, которые нужно пройти в одиночку.

Лето выдалось сухим и знойным. Редкие дожди не смыли кучи золы. Она вспархивает от моих шагов и тут же оседает. Ветра нет. Я внимательно смотрю под ноги. Здесь раньше была дорога. Высадившись на Луговине, я споткнулась о камень. Только оказалось, что это не камень, а человеческий череп. Он откатился, зияющие глазницы уставились в небо. Я долго не могла отвести взгляд от зубов, гадая, кому они принадлежали, и представляя, как выглядели бы мои.

По привычке стараюсь придерживаться дороги, но она усеяна останками людей, пытавшихся спастись бегством. Некоторые сгорели полностью, другие, избежав огня, задохнулись от дыма. На полуразложившихся трупах кишат мухи. Вас всех убила я. И тебя. И тебя. И тебя...

Потому что так и есть. Моя стрела, разрушившая силовое поле, вызвала огненный шквал возмездия и повергла в хаос весь Панем.

8 В голове звучат слова президента Сноу, сказанные мне перед туром победителей: «Вы, Огненная Китнисс, бросили искру, способную разгореться в адское пламя, которое уничтожит Панем». Он не преувеличивал. Возможно, он искренне пытался заручиться моей поддержкой, хотя от меня уже ничего не зависело.

Пожар все еще продолжается, машинально отмечаю я. Угольные шахты вдали изрыгают клубы черного дыма. Впрочем, кому какое дело? Почти все жители дистрикта погибли. Оставшиеся восемь процентов укрылись в Тринадцатом дистрикте — бесприютные беженцы, навсегда лишившиеся родины.

Конечно, так думать не следует. Я должна быть благодарна за то, что нас приняли. Больных, израненных, голодных, нищих. Однако мне не дает покоя мысль, что если бы не мятежники Тринадцатого дистрикта, Двенадцатый был бы цел. Это не снимает вины с меня — ее хватит на всех. Но что бы я смогла без них?

Жители Двенадцатого дистрикта вообще ни в чем не виноваты, им просто не повезло, что у них есть я. И все же некоторые выжившие рады, что вырвались оттуда. Прочь от голода и гнета, гибельных шахт, от плети начальника миротворцев Ромулуса Треда. Крыша над головой — уже счастье, ведь до недавнего времени мы и не подозревали о существовании Тринадцатого дистрикта.

Все, кто выжил, целиком обязаны своим спасением Гейлу, хотя сам он этого не признает. Как только Квартальная бойня была сорвана — когда меня вытащили с арены, — в Двенадцатом дистрикте отключили электричество, экраны теле-

визоров погасли, и в Шлаке настала такая тишина, что люди слышали биение чужих сердец. Никто и не думал ни протестовать, ни ликовать по поводу случившегося на арене, но уже четверть часа спустя небо заполнилось планолетами и градом посыпались бомбы.

Гейл вспомнил про Луговину— одно из немногих мест, свободных от старых деревянных построек, пропитанных угольной пылью. Он направил туда всех, кого смог собрать, включая мою маму и Прим. Люди снесли проволочное ограждение, теперь обесточенное и безопасное, и Гейл увел их в лес, к озеру, которое отец показывал мне в детстве. Они стояли там и смотрели издали, как пламя пожирает весь их мир.

К рассвету бомбардировщики улетели, языки пламени опали, и к озеру подтянулись последние из спасшихся. Мама и Прим развернули пункт первой помощи, лечили раненых целебными травами из леса. У Гейла было два лука со стрелами, охотничий нож, рыболовная сеть и восемь с лишним сотен напуганных и голодных людей. Гейлу помогали все, кто был в состоянии охотиться. Удалось продержаться три дня. А потом неожиданно прилетел планолет из Тринадцатого дистрикта. На новом месте уцелевших разместили в чистых квартирах с белыми стенами, снабдили новой одеждой и кормили три раза в день. К сожалению, жилье подземное, одежда совершенно одинаковая, а еда довольно безвкусная, но для беженцев из Двенадцатого это мелочи. Главное — они живы, они в безопасности, их не бросили на произвол судьбы, а приняли с распростертыми объятиями.

10 Вначале я никак не могла понять, с чего это нам так радуются, но один человек по имени Далтон открыл мне глаза.

— Вы им нужны. Я им нужен. Мы все. Некоторое время назад у них тут была какая-то эпидемия вроде оспы. Многие умерли, остальные стали бесплодными. Племенной скот — вот кто мы для них.

Несколько лет назад Далтон сбежал из Десятого дистрикта и пешком пришел в Тринадцатый. У себя в Десятом он работал на скотоводческой ферме. Занимался сохранением генетического разнообразия стада при помощи замороженных коровьих эмбрионов. Похоже, он знает, о чем говорит, — детей в Тринадцатом и вправду почти не видно. Ну и что с того? Нас не держат в загоне, дают возможность получить профессию, дети ходят в школу. Подростки старше четырнадцати получили низший армейский чин, их теперь почтительно называют солдатами. Каждому беженцу власти автоматически предоставили гражданство.

Все равно ненавижу их. Хотя теперь я почти всех ненавижу. Больше всего себя.

Дорога под ногами стала тверже, под ковром пепла чувствуется булыжная мостовая. Я на площади. Ее границами служат невысокие насыпи из золы и мусора, в которые превратились магазины. Груда черных обломков на месте Дома правосудия. Иду туда, где стояла пекарня родителей Пита. Я узнаю ее только по оплавленной печи. Родители Пита и оба старших брата погибли в огне. Из тех, кто в Двенадцатом дистрикте считался зажиточными, спаслось не больше десятка. Питу не к кому больше возвращаться. Кроме меня...

Отступив на несколько шагов, я спотыкаюсь и падаю на кусок раскаленного от солнца металла. Что это? Тут я вспоминаю недавние нововведения Треда. Колодки, позорный столб и виселица, на обломках которой я теперь сижу. Черт. Вот угораздило. Перед глазами проносятся картины, мучающие меня и днем и ночью. Пит под пытками — его топят в воде, жгут железом, режут, бьют током, калечат, пытаюсь вытащить из него то, о чем он не имеет понятия. Я изо всех сил зажмуриваюсь и пытаюсь дотянуться до него через многие сотни миль, передать ему мои мысли, сказать, что он не один. Но он один. Я ничем не могу ему помочь.

Бежать. Скорее прочь с этого места! Туда, где нет углей и пепла. Я пробегаю мимо того, что было домом мэра, где жила моя подруга Мадж. Ни о ней, ни об ее родственниках ничего не известно. Эвакуировали их в Капитолий благодаря положению отца или оставили огню? Из-под ног поднимаются тучи пепла, я закрываю рот краем рубашки. Мне не хватает воздуха — не столько от того, что я вдыхаю, сколько от сознания, кого я вдыхаю.

Вот и Деревня победителей. Трава здесь тоже выгорела, и земля усыпана серыми хлопьями, но двенадцать домов стоят целы и невредимы. Я вбегаю в тот, где жила в прошлом году, захлопываю дверь и прислоняюсь к ней. Все осталось на своих местах. Чистота и порядок. Тихо до жути. Зачем я вернулась в Двенадцатый? Неужели думала найти здесь какие-то ответы? Ответы на вопросы, от которых не скрыться.

— Что мне делать? — шепотом спрашиваю я у стен. Я правда не знаю.

12 Приходят люди, разговаривают со мной. Все говорят и говорят. Плутарх Хевенсби. Фульвия Кардью, его деловитая помощница. Всяческие чиновники. Военные. Только Альма Койн, президент Тринадцатого, помалкивает. Наблюдает со стороны. Ей пятьдесят или около того. У нее потрясающие волосы, ни одной выбившейся пряди, даже ни одного секущегося кончика. Идеальные. Глаза — серые, но не как у выходцев из Шлака. Бледно-бледно-серые, такие светлые, будто все живые краски из них выкачали. То, что осталось, напоминает цветом грязный подтаявший снег в конце зимы.

Им нужно, чтобы я взяла на себя роль, которую они для меня придумали. Стала символом революции. Сойкой-пересмешницей. Бросить вызов Капитолию, вдохновить повстанцев — недостаточно. Теперь я должна стать настоящим лидером — лицом, голосом и плотью революции. Указать путь к победе. Я буду не одна. У них тут целая команда. Позаботятся о макияже, подберут одежду, напишут речи, организуют выступления — звучит до жути знакомо, не так ли? Мне останется только сыграть роль. Иногда я их слушаю, иногда только прикидываюсь внимательной и разглядываю безупречно уложенные волосы Койн — может, это парик? В конце концов у меня начинает болеть голова, или сосать в желудке, или я чувствую, что начну биться в истерику, если сию же минуту не выберусь на поверхность. Не говоря ни слова, встаю и выхожу.

Вчера, перед тем как за мной закрылась дверь, я услышала слова Койн:

— Говорила же, в первую очередь надо спасти парня.

Это она о Пите. Я с нею согласна. Из Пита получился бы замечательный лидер.

А кого они вытащили вместо него? Меня, не желающую иметь с ними никаких дел. Еще Бити, изобретателя из Третьего. Бити я почти не вижу — едва он смог садиться на постели, его подключили к разработке оружия. Прямо на кровати отвезли в какой-то секретный отдел, и теперь он только иногда показывается в столовой. Он очень умный и рад внести свой вклад в борьбу, но повести за собой не сможет. Потом — Финник Одэйр, секс-символ рыбацкого дистрикта. Это он не дал умереть Питу на арене, когда я ничем не могла ему помочь. Из Финника тоже хотят сделать вождя повстанцев, только сперва нужно добиться, чтобы он не отключался каждые пять минут. Даже когда он в сознании, приходится повторять все по три раза, прежде чем до него дойдет. Врачи говорят, это из-за электрического шока, полученного на арене, но я знаю, что причина гораздо сложнее. Финник не может ни на чем сосредоточиться, потому что постоянно думает об Энни, сумасшедшей девушке из его дистрикта, — что с нею стало. Энни — единственная на земле, кого любит Финник.

В Тринадцатом я оказалась в том числе и по его милости. Но уже почти не держу на него обиды. Он, по крайней мере, понимает, каково мне. Да и трудно злиться на того, кто постоянно плачет.

Осторожно, стараясь не шуметь, обхожу первый этаж. Будто на охоте. Беру пару вещей на память: фотографию родителей в день свадьбы, синюю ленточку для волос, семейный справочник по лекарственным и съедобным растениям. Книга раскрыва-

14 ется на странице с желтыми цветами. Я быстро захопываю ее. Цветы нарисовал Пит.

Что же мне делать?

А нужно ли вообще что-то делать? Мои мама, сестра, Гейл с семьей наконец в безопасности. Другие — либо погибли, чего уже не исправить, либо укрылись в Тринадцатом. Есть еще повстанцы в других дистриктах. Конечно, я ненавижу Капитолий не меньше, чем они, вот только принесу ли пользу повстанцам, став Сойкой? Как я могу помочь дистриктам, когда любой мой шаг оборачивается страданиями и гибелью людей? В Одиннадцатом дистрикте расстреляли старика за то, что он насвистывал мелодию Руты. У нас, в Двенадцатом, стало только хуже после того, как я заступилась за Гейла, когда его хотели высечь. Цинну, моего стилиста, перед Играми избили и выволокли без сознания из Стартового комплекса. Осведомители Плутарха считают, что его убили на допросе. Цинна, такой умный, загадочный, великодушный, умер из-за меня. Нет, нельзя об этом думать. Иначе мой хрупкий разум не выдержит и я совершенно потеряю связь с действительностью.

Что делать?

Став Сойкой-пересмешницей... чего я принесу больше, пользы или вреда? Кто мне ответит? Чьему ответу я поверю? Уж конечно, не той компании из Тринадцатого. Клянусь, я бы сбежала оттуда. Если бы не одно «но». Пит. Знай я наверняка, что он погиб, ушла бы в лес — только меня и видели. Даже не оглянулась бы. Но пока ничего не известно, я связана по рукам и ногам.

Внезапно за спиной слышится какое-то шипение. Я оборачиваюсь. В дверях кухни, хищно изо-

гнув спину, плотно прижав уши к голове, стоит самый уродливый кот в мире.

— Лютик! — вырывается у меня.

Тысячи людей погибли, а он выжил и даже не исхудал. Что же он ел? Мы всегда оставляли приоткрытым окно в кладовке, чтобы он мог приходить и уходить, когда ему захочется. Наверное, ловил полевых мышей. О другой возможности думать не хочется.

Я сажусь на корточки и протягиваю руку:

— Иди ко мне, малыш.

Ага, как же. Он злится. Мы бросили его одного. К тому же в руке у меня ничего нет, а еда — это основное, что до некоторой степени примиряло его с моим существованием. На какое-то время мы с ним, правда, едва не сдружились. Так вышло, что мы оба невзлюбили новый дом и, случалось, в одно и то же время приходили к старому. Теперь это в прошлом. Желтые глаза Лютика недобро сверкают.

— Хочешь к Прим? — спрашиваю я.

Кот пошевелил ушами. «Прим» — единственное слово, кроме собственного имени, которое что-то для него значит. Хрипло мяукнув, он подходит ближе. Я беру его на руки, глажу, потом достаю из шкафа охотничью сумку и без лишних церемоний засовываю в нее кота. По-другому поднять его на планолет не получится, а эта животина слишком много значит для моей сестры.

Ее коза Леди, от которой действительно есть толк, к сожалению, не показалась.

Голос Гейла в наушниках говорит, что пора возвращаться. Однако охотничья сумка напомнила мне еще об одной вещи, которую я хотела взять.